

Наталья ГОНЧАР-ХАНДЖЯН

Анаит АКОПЯН

Ереванский государственный университет

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПОВЕСТИ
СТИВЕНСОНА «СТРАННАЯ ИСТОРИЯ ДОКТОРА ДЖЕКИЛА И
МИСТЕРА ХАЙДА»**

В данной статье делается попытка раскрыть и проанализировать образы персонажей повести Стивенсона в сопоставлении с транзактным анализом Э. Берна, объединив нотариуса Амтерсона, представляющегося поначалу самостоятельным субъектом действия, и пару Джекил-Хайд в единый нерушимый тандем, где каждый соответственно предстает составной частью единой личности.

Появившаяся в английской литературе XIX века как плод воображения (imagination) и озарения, прозрения (inspiration, insight) писателя Р. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» для аналитической психологии XX века стала хрестоматийным примером расщепления, диссоциации, «множественности» личности и как социальной характеристики вообще, и как психической болезни индивидуума, подвергшегося вирусу раздвоения. Художник настолько верно уловил правду происходящего, переживаемого, что, например, автор работ по диссоциации личности Н.Мак-Уильямс рекомендует «Странную историю...» как чтение, дающее возможность познакомиться с диссоциативным расстройством личности без соответствующего клинического опыта.

В свою очередь, новые работы психологов (Э.Фромм, Э.Берн, Ст. Гроф и др.), представляемые ими теории и методики анализа психологии и поведения личности нередко выводят на новые ориентации в анализе и толковании литературных текстов.

Ключевые слова: *расщепление личности, «ошибки Стивенсона», транзактный анализ, родитель-ребенок-взрослый, отделение, переход, объединение, стивенсоновский insight*

Согласно западной науке и материалистической философии, история Вселенной есть, по существу, история эволюции материи, где жизнь, сознание и разум – всего лишь случайные, побочные продукты такой эволюции. «В мире, где реальным считается лишь материальное, лишь то, что можно пощупать и измерить, нет места любого рода духовности» /Гроф, 2007: 25/.

В мире, где, по определению Томаса Карлайля, *душа убывает*, где главенствующую идеологическую позицию заняла теория Дарвина о происхождении видов, выход для чувствительных юношей и молодых людей «со всеми признаками острого ума», но лишенных энергии и воли один – прямиком записаться в «Клуб самоубийц». Так, один из оригинальных посетителей клуба заявляет: «Мысль о том, что я являюсь прямым потомком обезьяны... показалась мне невыносимой» /Стивенсон, 1981: 92/. Материа-

листические теории, процветающие во II половине XIX века, приводят к утрате веры, духовных связей, к утрате знакомой почвы под ногами, и, как следствие, «отсутствие замены привычному приводит к некому неопределенному пороговому состоянию, которое антропологи называют промежуточным» /Гроф, 2007: 41/.

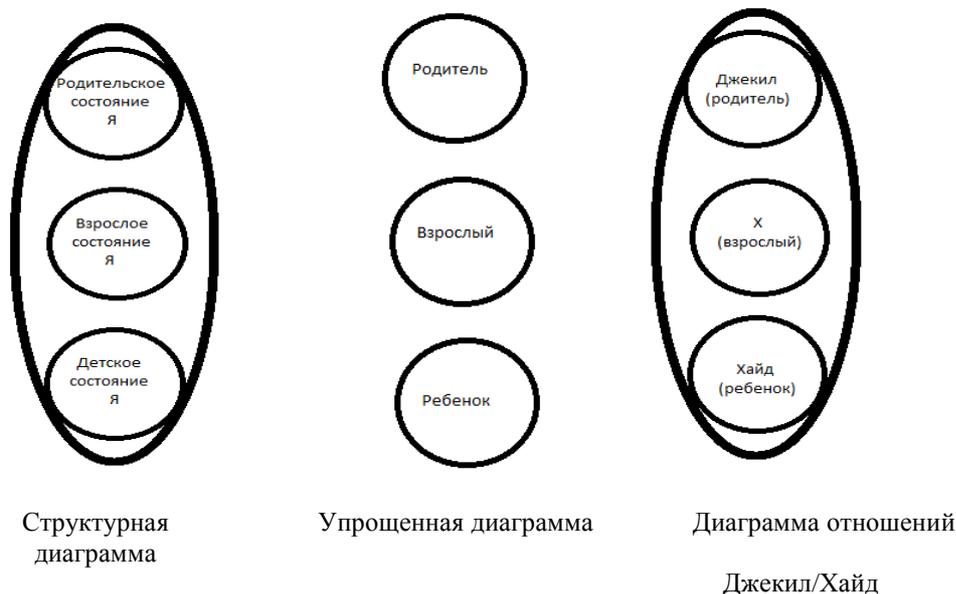
Изучение порогового состояния – между сознанием и бессознательным, между жизнью и смертью – станет предметом и психологии, и модернистской литературы XX века.

Уже в XIX веке к теме душевного «подполья» обратился Р. Л. Стивенсон. Еще в детстве он сам для себя обнаружил, можно сказать, стал одержим этой темой, пытаясь найти ей разрешение в своих ранних произведениях, но развил и довел до совершенства под влиянием Ф. Достоевского. Известно, что в 1885 году Стивенсон во французском переводе читал «Преступление и наказание», роман произвел на него сильное, можно сказать, шоковое впечатление. Уже в рассказе «Маркхейм», написанном и напечатанном в том же – 1885 году, чувствуется непосредственное влияние Ф. Достоевского, прямое воздействие романа «Преступление и наказание» на выбор и развитие сюжетной коллизии в рассказе Стивенсона. Тема душевного *подполья* и двойников возникла у Стивенсона в результате его последовательных размышлений над проблемой цельности сознания, развития содержательной и гармоничной личности, волевого, стойкого, решительного характера, проблемой, которая будет – с подачи Стивенсона – активно обсуждаться у неоромантиков, и именно у Стивенсона эта тема будет почерпнута многими английскими литераторами той эпохи, а также последующих поколений. Коварная и одновременно завораживающая притягательность порока, сметающая показательную «викторианскую добродетель» – леймотивная тема всего творчества Стивенсона-писателя. Теме столкновения и непримиримой борьбы *гениев добра и зла* посвящен и популярный приключенческий роман Стивенсона «Остров сокровищ», намного более глубокий и многоплановый, чем принято считать, адресуя книгу исключительно подростковой среде читателей; окончательное же разрешение эта проблема получает в повести «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».

Психотерапевт Н. Мак-Уильямс, автор работ по диссоциации личности, рекомендует своему читателю попытаться постигнуть феномен множественной личности, эмпатируя внутренним переживаниям человека с диссоциативным расстройством, и советует прочитать «Странную историю доктора Джекила и мистера Хайда» Р. Л. Стивенсона, что дает хорошую возможность познакомиться с диссоциативным расстройством личности, обойдясь без конкретного клинического опыта. Современный клиницист, однако, отметит (разумеется, без учета художественного творчества и художественной литературы!) и так называемые *ошибки Стивенсона*. «Первая и, определенно, самая существенная ошибка - это отсутствие

абьюза, то есть деструктивного сексуального насилия над ребенком, детского стресса. Кроме того, при множественной личности расщепленные «я» должны обладать раздельной памятью. У Стивенсона – наоборот: и Джекил, и Хайд знают друг о друге все, находясь, в то же время, в постоянной комфронтации. Наконец, обладая раздельными памятьми, расщепленные «я» владеют общим телом, хотя могут представлять его для себя по-другому и со стороны свидетелей перевоплощений воспринимается различно. Этот феномен бывает заметен окружающим – на уровне поведения и реакции тела: меняется мимика, голос, рисунок движений (походка и др.), даже рост (сгорбился – распрямился)» /Мак-Вильямс, 2007/. Но в повести Стивенсона тело протагониста (Джекила) меняется до неузнаваемости, подвергаясь полной метаморфозе: «Сэр, – сказал дворецкий, чье бледное лицо пошло лучистыми пятнами, - это была какая-то тварь, а не мой хозяин, я хоть присягнуть готов. Мой хозяин, - тут он оглянулся и перешел на шепот, - мой хозяин высок ростом и хорошо сложен, а это был почти карлик...» /Стивенсон, 1981: 429/. В-четвертых, собственно расщепление на две личности не произошло: отщепился только Хайд. «В результате теперь у меня было не только два облика, но и два характера, один из них состоял только из зла, а другой оставался прежним двойственным, негармоничным Генри Джекилом, исправить и облагородить которого я уже давно не надеялся. Таким образом, перемена во всех отношениях оказалась к худшему» /Стивенсон, 1981: 429/. И, тем не менее, «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» является, можно сказать, хрестоматийным примером в современных работах по психологии расщепления личности /Saks, 1997/.

О взаимоотношениях Джекил-Хайд все становится ясно из автохарактеристики доктора Джекила: «Джекил (составная натура) то с боязливым трепетом, то с алчным смакованием ощущал себя участником удовольствий и приключений Хайда, но Хайд был безразличен к Джекилу и помнил о нем, как горный разбойник помнит о пещере, в которой он прячется от преследователей. Джекил испытывал к Хайду более чем отцовский интерес. Хайд отвечал ему более чем сыновьим равнодушием» /Стивенсон, 1981: 452/. Об отношениях отец/сын, родитель/ребенок уместно говорить и в контексте отдельно взятой человеческой личности. Согласно транзактному анализу Эрика Берна, составляющие личности любого индивидуума включают **я** – родителя, **я** – взрослого, **я** – ребенка /Берн, 2008: 17/.

Заметим, что, по Берну, родитель существует в двух формах, прямой и косвенной: как активное состояние *я* и как влияние. «Когда он непосредственно активен, человек поступает так, как поступил бы его непосредственный отец (мать): «Делай, как я»... В первом случае человек сам становится как бы своим родителем» /Берн, 2008: 19/. Джекил, как нам известно, происходил из именитой, уважаемой семьи, очень состоятельной, и «высоко ставил уважение умных и благородных людей» /Стивенсон, 1981: 443/. Таким образом, родительская установка заставляет его изначально сдерживать порыв к даже невинным удовольствиям, поскольку главная его задача и настойчивое желание – «держать голову высоко и представляться окружающим человеком серьезным и почтенным» /Стивенсон, 1981: 443/.

Ребенок же, по Берну, также существует в двух формах: как приспособливающийся Ребенок и как естественный Ребенок. «Приспособливающийся Ребенок меняет свое поведение под Родительским влиянием... Естественный Ребенок выражает себя спонтанно; например, непослушанием или творчеством» /Берн, 2008: 19/. Хайд, как мы знаем по заявлению самого Джекила, не слушает Джекила, пытается «вырваться на волю» /Стивенсон, 1981: 189/ и, в конце концов, подчиняет себе добропорядочного и совестливого доктора. В целом определяя Ребенка как **наиболее ценную** часть личности, приносящую в жизнь очарование, спонтанность, радость (то, что Хайд действует спонтанно и приносит первоначально радость в скучную и размеренную жизнь доктора Джекила, нельзя отрицать!), Берн замечает: «Если Ребенок индивида смущен или нездоров, последствия могут быть самыми неблагоприятными» /Берн, 2008: 18/.

Подтверждение транзактного анализа можно наблюдать в случаях алкогольного опьянения. «Обычно, первым отключается Родитель, и тогда приспособившийся Ребенок освобождается от Родительского влияния и преобразуется в Ребенка естественного» /Берн, 2008: 19/. В течение долгих десятилетий (мы знаем, что Генри Джекилу – 50 лет) зло в натуре Джекила, нашедшее воплощение в Ребенке – Хайде, было обречено на бездеятельность, находилось, по собственному его выражению, на положении узника. Но **опьяняющий напиток** давно изготовлен, и alter-ego лишь ждет своего часа, чтобы вырваться наружу и показать себя: «Я уже давно изготовил текстуру, я купил у некоей оптовой фирмы значительное количество той соли, которая, как показывали мои опыты, была последним необходимым ингредиентом, и вот в одну проклятую ночь я смешал элементы, увидел, как они закипели и задымились в стакане, а когда реакция завершилась, я, забыв про страх, выпил стакан до конца» /Стивенсон, 1981: 445-446/. Описанная далее в «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» ситуация отсылает к так называемым просветительным переживаниям, включающим в себя три типичные стадии ритуалов перехода: отделение, переход, объединение. «Просветительский кризис, или «шаманская болезнь», как называют ее западные антропологи, принимает обычный вид глубоко переживаемого опыта духовной смерти и возрождения. Хотя в различных племенах и у отдельных шаманов отмечаются значительные расхождения в описании деталей испытываемых мучений, общая атмосфера ужаса и нечеловеческих страданий присутствует неизменно» /Гроф, 2007: 34/. После принятия волшебного напитка проходит отделение Хайда от Джекила и переход Джекила (родителя) в Хайда (ребенка); сам же процесс сопряжен с нечеловеческими страданиями: «Тотчас я почувствовал тягостную дурноту и такой ужас, какого человеку не дано испытать ни в час рождения, ни в час смерти. Затем эта агония внезапно прекратилась, и я пришел в себя словно после тяжелой болезни. Все мои ощущения как-то переменились, стали новыми, а потому неопишимо сладостными. Я был моложе, все мое тело пронизывала приятная и счастливая легкость, я ощущал бесшабашную беззаботность, в моем воображении мчался вихрь беспорядочных чувственных образов, узы долга распались и более не стесняли меня, душа обрела неведомую прежде свободу, но далекую от безмятежной невинности. С первым же дыханием этой новой жизни я понял, что стал более порочным, несравненно более порочным – рабом таившегося во мне зла, и в ту минуту та **мысль подкрепила и опьянила меня, как вино** /выделено нам –Н. Г.-Х., А. А./ Я простер руки, наслаждаясь непривычностью ощущений, и тут внезапно обнаружил, что стал гораздо ниже ростом» /Стивенсон, 1981: 446/.

Получается, что доктор Джекил невольно действует согласно сценарию «Победитель Дракона», в котором родительское наставление «работай на совесть и не сдавайся» и родительский образец «пользуйся своим умом и

постарайся понять, что нужно сделать» получают следующие решения: «Если невозможно подняться на небо, я отправляюсь в ад» /Берн, 2008: 362/. Не случайно сам Джекил признается, что когда он, добровольно освободившись от всех моральных барьеров и сдерживающих инстинктов, перевоплотился в Хайда, в нем «мгновенно проснулся и забушевал адский огонь» /Стивенсон, 1981: 453/.

Важным магическим атрибутом во время ритуала перехода служит зеркало. Вокруг зеркала с его сакральной символикой издавна существует целый ряд примет и преданий, одно из которых восходит к мифической эпохе Желтого Императора /Борхес, 2001: 170/.

Взломав дверь в кабинет доктора Джекила, Аттерсон и Пул обнаруживают там вращающееся зеркало. Они подошли к нему и «посмотрели в него с невольным страхом. Однако, оно было повернуто так, что они увидели лишь алые отблески, играющие на потолке, пламя и сотни его отражений в стеклянных дверцах шкафов и свои собственные бледные и испуганные лица.// - Это зеркало видело странные вещи, сэр, - прошептал Пул.// - Но ничего более странного, чем оно само – так же тихо ответил нотариус. - Для чего Джекил... - при этом слове он вздрогнул и умолк, но тут же справился со своей слабостью... - зачем оно понадобилось Джекилу?» /Стивенсон, 1981: 434/. Ответ на этот вопрос находится в признании Джекила. Зеркало появилось в его кабинете после рождения Хайда, чтобы отражать таинственный момент перехода, перевоплощения. «Увидев в зеркале безобразного истукана, я почувствовал не отвращение, а внезапную радость, ведь это тоже был я. Образ в зеркале казался мне естественным и человеческим» /Стивенсон, 1981: 447/. Поначалу, словно заточенный в зеркало Хайд, мимикрирует, и Джекил узнает в нем себя самого. Но выпущенный из зеркального заточения, Хайд становится смертельно опасен, и его больше не удастся загнать обратно, пленить, победить, как и его легендарных предшественников («зеркальный народ» из «Книги вымышленных существ» Борхеса: /Борхес, 2001/).

Толчком к созданию, вернее, *отщеплению* Хайда становится скука. С позиции психоанализа скука определяется как время, когда психика отдыхает, как период затишья в ожидании страсти: «Мы можем считать скуку защитницей в борьбе с ожиданием, предвестницей новой страсти» /Philips, 1993: 76/. Психоаналитик Адам Филипс определяет скуку как «ежедневный траур» /Philips, 1993: 71/, современник Стивенсона Уайльд так говорит об этом состоянии: «когда человек говорит, что он исчерпал жизнь, это значит, что /сама/ жизнь исчерпала его» /Wilde, 2001: 22/. В своей лекции о Марселе Прусте Владимир Набоков героев знаменитого романа французского писателя-модерниста XX века называет «богатыми безработными» /Набоков, 1998: 276/, чья усталость не имеет ничего общего с настоящей физической усталостью, порожденной ежедневным трудом и заботой. То же определение верно относительно героев самых прославленных произведения Стивенсона и Уайльда –

«Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» и «Портрета Дориана Грея». Скука пары Дориан-Генри рождена бездельем – уделом богачей из высшего общества, скука одолевает в «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» как лондонского бонвивана Ричарда Энфилда, так и талантливого ученого фаустовского полета Генри Джекила. Скучный - одно из определений, характеризующих нотариуса Аттерсона. Несмотря на всю разность занятий и интересов, всех их объединяет одно – финансовая независимость, высокий социальный статус. Между прочим, именно материальное благосостояние позволяет Джекилу проводить дорогостоящие эксперименты и «сухое однообразие жизни» /Стивенсон, 1981: 448/ нарушить появлением Хайда.

Доктор Джекил, подобно своему предтече, доктору Фаусту, стремится опровергнуть представление о том, что «человек с младенчества ограничен в возможностях свободного, спонтанного выражения своей воли» /Фромм, 2010: 123/. Джекил, сочетающий в себе две ипостаси – ученого и искателя приключений, всегда оставался жадным для удовольствий, но вынужден был эти стремления подавлять до поры до времени, ограничивать себя во имя статуса известного и уважаемого человека. Исполнение заветных тайных желаний Джекил возлагает на Хайда, но дело принимает неожиданный оборот: «Тут мне помогло мое новообретенное могущество, и, не устояв перед искушением, я превратился в раба» /Стивенсон, 1981: 183/.

Исходя, видимо, из тезиса, что тот, «кто ничего не имеет, тот ничего собой не представляет» и что в мире материального обладания только «моя собственность создает меня и мою индивидуальность» /Фромм, 2010: 123/, Джекил обеспечивает Хайда, снимает и меблирует квартиру в Сохо, кладет ему деньги на чековую книжку, покупает ему одежду. Эдвард Хайд начинает вести самостоятельную независимую жизнь и поначалу *чужой в собственном доме*, став по завещанию наследником всего состояния своего Родителя – Джекила, непослушный ребенок – Хайд погружается в запретный мир, удовлетворяет свою страсть к недозволенному: теперь отделение Хайда происходит независимо от воли Джекила, переход в первоначальный образ требует все больших и больших усилий и доз препарата, и только перед лицом смерти произойдет последний этап в ритуале перехода - объединение. Генри Джекил завершит свою покаянную исповедь и в тот же момент - свою жизнь, а на полу взору Аттерсона и Пула предстанет тело дергающегося в конвульсиях Хайда. Опасения Джекила, скрывающего тщательно и с величайшими предосторожностями свое послание от Хайда, напрасны. «На аккуратной стопке бумаг лежал большой конверт, на котором почерком доктора было написано имя мистера Аттерсона» /Стивенсон, 1981: 434/. Таким образом, и исповедь, и завещание на имя Аттерсона находились в непосредственной досягаемости, прямо на виду у Хайда, если он их не тронул, не значит ли это, что Хайд вновь стал частью Джекила, объединился с ним, и Родитель подавил непослушного Ребенка, пусть даже перед лицом смерти...

Но «отношения я-другой абсолютно необратимы (по Бахтину) без третьего – представителя всех других во мне, моего толкователя» /Айрапетян, 2000: 38/. Такого толкователя, непредвзятого арбитра выводит автор в лице нотариуса Аттерсона. Но является ли Аттерсон отдельным индивидуумом, как представляется поначалу, или лишь частью раздробленного целого, воплощающего в транзактной схеме недостающего «взрослого»?

В любом случае, именно появлением Аттерсона открывается книга, он не только входит в любое время в дом Джекила и всегда желанный гость там, он также очень хорошо, так сказать, *изнутри* знает всю конструкцию дома, все его входы и выходы. Он не только поверенный Джекила и хранитель его завещания, но и имеет с Джекилом много общего. Только знакомя нас с Аттерсоном, Стивенсон сообщает нам, что тот был строг с собой: «когда обедал в одиночестве, то, укрощая вожделение к тонким винам, пил джин и, горячо любя драматическое искусство, более двадцати лет не переступал порог театра» /Стивенсон, 1981: 393/. Следовательно, у сурового и замкнутого нотариуса, в свою очередь, были тайные желания, находившиеся под строгим запретом. Проявляя к «слабостям ближних достославную снисходительность» /Стивенсон, 1981: 393/, он, в то же время, очень обеспокоен состоянием Джекила, и еще задолго до появления на сцене Хайда озабочен составленным Джекилом завещанием.

Аттерсон постоянно вторгается в замкнутый мир Джекила без разрешения, и, учитывая нормы поведения в высшем английском обществе, такое поведение допустимо только в единственном случае: если Аттерсон и Джекил являются не просто друзьями, приятно общающимися за холостяцкой пирушкой, а одним целым, где совесть и разум (Взрослый) стремятся спасти запутавшегося и сбившегося с пути Родителя из ловушки, расставленной Ребенком. В отличие от Лэньона и Джекила, врачей по профессии, Аттерсон – юрист, но, в то же время, нам сообщается, что «доктор Лэньон и мистер Аттерсон были старыми друзьями, однокашникам по школе и университету...» /Стивенсон, 1981: 400/. Такое возможно, учитывая разность двух профессий – естественной и гуманитарной, только в случае контаминации Аттерсон/Джекил. Именно к Аттерсону приходит дворецкий Джекила за помощью, именно Аттерсон распоряжается и принимает ответственное решение в доме, на территории Джекила. И именно Аттерсон наследует все имущество Джекила.

Ранее указывая на акцентируемые современными психологами-исследователями диссоциации личности «ошибки Стивенсона», мы отметили и то, что субличности Джекил/Хайд имеют общую память. Согласно теории диссоциативной (множественной) личности, отколовшиеся «я» могут знать все о **Главной Личности** и друг о друге, но **Главная Личность-Хозяин** не должна подозревать об их существовании, по крайней мере, идентифицироваться с ними.

Такой *Личность–Хозяином* представляется Аттерсон. На время он уступает свои ведущие позиции и позволяет Джекилу и Хайду проявить себя и погубить друг друга, разделившись и столкнувшись в непримиримой борьбе. Так, Аттерсон становится сам *пациентом*, но «в каждом пациенте заключен его собственный целитель» /Гроф, 2007: 32/. Введя первоначально образ «сухопарого, пыльного, скучного» /Стивенсон, 1981: 393/ Аттерсона, Стивенсон дает нам невольные подсказки, помогает достроить диаграмму, где все уже занимают свои места:

«Взрослый необходим для выживания. Он обрабатывает данные и оценивает вероятности, что очень важно для эффективного взаимодействия с окружающим миром. У него собственные проблемы и способы достигнуть удовлетворения» /Берн, 2008: 20/.

Аттерсон, самый реальный из всех обитателей «*Странной книги*» Стивенсона, обрекающий себя на двадцатилетнее воздержание, вместе с тем, подобно древним грекам, должен сознавать «необходимость давать в соответствующей обстановке выход опасным мощным силам, таящимся в человеческой психике» /Гроф, 2007: 57/ и что «хаос и неистовство мистерий способствуют установлению более прочного порядка» /Гроф, 2007: 58/.

Услышав рассказ Энфилда о таинственном ночном происшествии, Аттерсон тотчас же улавливает связь, и история начинается. Пройдя через все три положительных этапа ритуала перехода, Джекил и Хайд исчезают, а Аттерсон, этот вроде бы случайный свидетель «мистерии смерти и возрождения» /Гроф, 2007: 51/, этого необузданного прилива страстей, переживает, вероятно, исцеляющий катарсис.

ЛИТЕРАТУРА

1. Philips A. On Kissing, Tickling, and Being Bored: Psychoanalytic Essays on the Unexamined Life. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
2. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. Moscow, 2001.
3. Айрапетян В. Русские толкования: О русской герменевтике как о самостоятельной гуманитарной науке. Москва, 2000.
4. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Москва: Эксмо, 2008.
5. Борхес Х. Л. Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Санкт-Петербург: Амфора, 2001.
6. Мак-Вильямс Н. Психологическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе. Москва: Класс, 2007.
7. Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. Москва: Независимая газета, 1998.
8. Стивенсон Р.-Л. Собрание сочинений. Том 1. Москва: Правда, 1981.
9. Гроф С. Величайшее путешествие. Сознание и тайна смерти. Москва: АСТ, 2007.
10. Фромм Э. Иметь или быть? Москва: АСТ, 2010.

Ն. ԳՈՆԶԱՐ-ԽԱՆՋՅԱՆ, Ա. ՀԱԿՈՔՅԱՆ – Սթիվենսոնի «Բժիշկ Գեքիլի և պարոն Հայդի տարօրինակ պատմությունը» նովելի հոգեբանական հիմնախնդիրը. – Այս հոդվածում փորձ է արվում բացահայտել և վերլուծել Սթիվենսոնի պատմվածքի հերոսների կերպարները՝ դիտարկելով դրանք էրիկ Բեռնի տրանսակտ վերլուծության տեսանկյունից, մեկ ամբողջական տանդեմի մեջ միավորելով՝ առաջին հայացքից անկախ սուբյեկտ թվացող նոտար Ատերսոնին Ջեքիլ-Հայդ գույգի հետ, որտեղ յուրաքանչյուրը համապատասխանաբար մեկ ընդհանուր անձի անբաժանելի մասն է կազմում: Ռ. Սթիվենսոնի «Բժիշկ Գեքիլի և պարոն Հայդի տարօրինակ պատմությունը», որը հայտնվեց 19-րդ դարի գրականության մեջ որպես գրողի հորինվածք և ինտուիցիա, 20-րդ դարի անալիտիկ հոգեբանության համար արդեն դարձավ դասագրքային օրինակ անձի երկատման, բաժանման, «բազմակիության» և ընդհանրապես, որպես սոցիալական բնութագիր, որպես անձի հոգեկան հիվանդություն՝ վարակված երկատման վիրուսով: Գրողն այնքան ճշգրիտ է ընկալել իրողության ճշմարտությունը, որ, օրինակ, անձի երկատման մասին գործերի հեղինակ Ն.Մակ-Ուիլիամսը խորհուրդ է տալիս կարդալ «Տարօրինակ պատմությունը...», որը հնարավորություն է տալիս ծանոթանալու անձի դիսոցիատիվ խանգարմանն առանց համապատասխան կլինիկական փորձի:

Ըստ հոգեբանների (Է. Ֆրոմ, Է. Բերն, Ստ. Գրոֆ և այլք) նոր աշխատությունները, ներկայացվող հոգեբանության վերլուծության և անձի վարքագծի տեսությունն ու մեթոդաբանությունն էլ իրենց հերթին հաճախ բերում են գրական տեքստերի վերլուծության և մեկնաբանման նոր կողմնորոշումների:

Բանալի բաներ. անձի երկատում, «Սթիվենսոնի սխալները», տրանսակտ վերլուծություն, ծնող-երեխա-չափահաս, առանձնացում, փոփոխություն, միություն, սթիվենսոնյան insight

N. GONCHAR-KHANJYAN, A. HAKOBYAN – *The Psychological Problematics of Stevenson's Novella "The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde"*.

– The present paper is an attempt to reveal and present the characters in Stevenson's novella "The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde" in comparison with E. Bern's transactional analysis uniting notary Utterson, who is introduced as an individual character, and Jekyll and Hyde couple into a single tandem. Each of these characters appears to be the integral part of one and the same personality.

Stevenson's novella is considered to be the result of the writer's imagination, inspiration and insight and has become a widely recognized example of disintegration, disassociation, split personality and of a social characteristic on the whole as well as of a psychological disorder of a victim of personality split. The author gives such a true picture of the essence of happenings and feelings that N. Mc-Williams considers "The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde" a piece of writing on disassociated personality disorder suitable even for those having no expertise in the field.

In its turn new psychological studies carried out by E. Fromm, E. Bern, St. Grof and others present theories and methods of analysis of psychology and behavior of an individual and they often serve as new landmarks in literary text analysis and interpretation.

Key words: split personality, "Stevenson's mistakes", transactional analysis, parent-child-adult, segregation, transition, union, Stevenson's insight